

Парунова Ю.Д.

УДК 141.7:316.614

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ НА РУБЕЖАХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭПОХ

Европейская цивилизация в своём развитии прошла ряд периодов, каждый из которых характеризовался определённой моделью социализации личности. Каждый этап европейской истории, проходя через стадии генезиса, развития и перехода в новое качество, формировал собственную модель социализации, свою воспитательную парадигму, в зависимости от социального спроса на ту или иную конкретную личности, соответствующую потребностям исторического периода. И если на классической стадии, когда цели общества были стабильны, а ценности устоялись, социализация протекала по раз и навсегда установленной схеме, исключая возможность выбора человеком линии поведения, то на стадии перехода, когда происходила смена социокультурной парадигмы, она приобретала иные черты. Краткий исторический обзор парадигмы социализации личности в разные культурно-исторические периоды позволяет выявить сущность и культурный смысл социализации в современную трансформационную эпоху, что является **актуальным** для понимания процессов, происходящих в современном обществе. Цель данной статьи - рассмотреть процесс социализации личности сквозь призму смены исторических эпох.

Актуальность темы определила объект и предмет данной статьи. Объектом исследования является проблема социализации личности, предметом – исторические модели социализации в европейском обществе доиндустриального периода.

Поскольку социализация это процесс овладения человеческим индивидом определёнными знаниями, нормами и ценностями, позволяющими ему функционировать в качестве полноправного члена общества, то можно утверждать, что этот процесс возникает вместе со становлением самой социальности. На начальном этапе её существования в социализации преобладали стихийные, спонтанные моменты, а сознательное, проективное, целенаправленное воздействие на личность практически отсутствовало.

Занятое преимущественно решением проблемы выживания в условиях господства присваивающего хозяйства, низкой производительности труда, отсутствия прибавочного продукта, товарно-денежных отношений и общественного разделения труда доосеовое (К. Ясперс) общество представляло собой гомогенную систему. Здесь не только отсутствовал аксиологический плюрализм, но и не было социальных групп с различными интересами. Такая система при отсутствии действия внешних факторов являлась относительно стабильной. Она проводила периодические ритуалы, как правило, синхронизированные с циклическими процессами внешней среды. Это позволяло устранять накапливающиеся напряжения, и производить ротацию своего состава при помощи церемоний инициации. Важнейшим механизмом контроля и регулирования социальных отношений и основными средствами социализации в доосеовом обществе выступало мифологическое мировоззрение, связанное с системой табу. Именно с их помощью обеспечивалась самоидентичность человека, которая закреплялась соответствующими символами.

Миф утверждает принятую в данном обществе систему ценностей, поддерживает и санкционирует определённые нормы поведения. И в этом смысле он служит важным стабилизатором общественной жизни. Главное же значение его состоит в том, что миф с присущим ему синкретизмом устанавливает гармонию между миром и человеком, природой и обществом, обществом и индивидом и таким образом обеспечивает внутреннее согласие человеческой жизни. Миф синтезирует всё символическое пространство человеческой культуры, и сама культура, таким образом, представляет собой единство мифов о родстве.

Тесно связанные с практической жизнью нормы поведения, освящённые мифом, становятся внутренними побудительными стимулами жизнедеятельности людей, превращаются в стереотипы поведения, выраженные в ритуалах и табу. Являясь самым древними человеческими нормами поведения, табу выступали в виде основания механизма контроля и регулирования социальных отношений. По мнению З. Фрейда, лишённые всякого рационального обоснования, табу культивировали культуру страха [15, с.195]. За нарушение табу автоматически следует наказание, согласно первоначальным представлениям, исходящее от сверхъестественных сил, позднее - от общества, берущего на себя карающие функции. Среди половозрастных, пищевых и иных табу в архаических обществах действуют также табу на прогресс, на новации любого рода. Такие табу обеспечивают относительную стабильность общества и места человека в нём. Через систему табу реализуется непреложный авторитет норм и их власти над человеческой жизнью, так выбор здесь был невелик: невыполнение табу почти всегда приводило к смерти. Социализация первобытного человека, таким образом, была безусловной. Табу, служившие механизмами стабилизации общества, носили в глазах его членов абсолютный, установленный свыше, характер и не подвергались рефлексии.

Самоидентификация человека проходила через ритуал. Сферы своего и чуждого были чётко определены, и взаимодействие между ними осуществлялось по строго заданному плану, отображённому в ритуале. Если миф обращает нас к абстрагированию и космогонии, то ритуал призван запечатлеть образ этого мифа, вывести в мир реальности его персонажей. Персонаж мифа был закреплён и определён ритуально за конкретным лицом или родом и имел символическое выражение в виде маски и ритуальной одежды [см.: 9].

Собственно, связь с образом мифа запечатлевалась, согласно исследованиям ряда ученых, в частности, Э. Сепира, и в языке. Члены племени, в соответствии с их телесным образом, оказывались носителями и определённого языка, который соответствовал и мифологическому образу [14].

Это подтверждает и то, что особую значимость для архаического человека имело имя, которым закреплялась идентичность его обладателя. Имя содержит в себе саму суть бытия данного лица. При этом разделяются повседневные и тайные имена, которые меняются в зависимости от посвящения и изменения

социального статуса [11, с.23]. Заметим, что реликты архаического функционирования системы имён сохранились в современных религиях, в частности, в православии (смена имени при посвящении в монашество). Имя - это способ персонификации, причем их обладателями являются не только люди или тотемные животные, но также и предметы быта, такие как дома, лодки, украшения, посуда, оружие (меч в древнегерманском эпосе) и т.д. Таким образом, имя в архаической культуре определяет сферу Собственного, что подтверждается опытом, фиксированным в мифе и ритуале, а также получением определенного социального статуса в группе, в то время как маска олицетворяет границу с миром Чуждого, с которым можно столкнуться "лицом к лицу". Мир Чуждого включает в себя при этом как чужака, так и предка, духа, территорию, находящуюся во владении другой группы и т.д. Играя ритуальные роли, архаический человек вместе с маской получает и язык, и имя, и место в сообществе. Это указывает на высокую степень символизации, при которой каждый символ нёс определённый и конкретный смысл. Через символическую систему человек ориентировался в обществе. Строгое разграничение сфер Внутреннего и Внешнего, Собственного и Чуждого, невыделенность отдельного персонажа, умирающего реально или символически (потеря имени, роли, статуса и места) при нарушении табу, позволяют нам рассматривать человека, принадлежащего к архаической культуре, только как индивида, представителя того или иного сообщества. Это, разумеется, не исключает у него наличия каких-либо индивидуальных особенностей. Однако такие особенности (физические облик, большие или меньшие специальные способности и т. д.) не интегрируются в систему уникальной личности, как в современном обществе.

В соответствии с указанными особенностями первобытной культуры в её рамках осуществляется и процесс социализации молодёжи. Старшие владеют необходимыми знаниями и навыками, которые дети беспрекословно воспроизводят. Эти знания и эти навыки давались ребенку так рано и так надежно, что у него не могло быть и тени сомнения в понимании собственной судьбы. Прошлое воспринималось как схема будущего, и только воздействие какого-нибудь внешнего потрясения (природной катастрофы или иноземного вторжения) могло изменить эту схему. Отсутствовал "конфликт поколений", так как между личным опытом, переживаниями старших и младших не было никакого разрыва. Социализация детей в архаическом обществе осуществлялась методами, выработанными культурой в течение веков. Решение, в какую группу зачислить ребенка, принималось на ранних стадиях его развития и не подвергалось критической рефлексии. Статус человека, данный ему в детстве, сохранялся до глубокой старости. Таким образом, можно сказать, что в архаическом обществе социальный опыт передаётся на основе копирования младшими поколениями образцов поведения старших.

Определение места человека в социальной структуре как следствие приобщения к мифу и овладения ритуалом осуществлялось посредством инициации-посвящения. Как верно заметил Ж. Бодрийяр, "инициация - тот поворотный момент социального сцепления, та темная камера, где рождение и смерть перестают быть крайними членами жизни и реинволюционируют друг в друга - не для какого-либо мистического слияния, а затем, чтобы, например, сделать из посвящаемого подлинно социальное существо. Непосвященный ребенок родился лишь биологически, у него еще есть только "реальные" отец и мать; чтобы стать социальным существом, ему нужно пройти через символическое событие инициатического рождения/смерти, обойти кругом всю жизнь и смерть и вступить в символическую реальность обмена" [4, с.242]. Иными словами, инициация - это тот ритуал, в котором член архаической общины переходит от безответственного, естественного, инерциального существования (детство) к новой жизни. Он становится полноправным членом коллектива, который всегда имеет определенное сакральное значение и входит в особое магическое или религиозное братство - племенное, конфессиональное, профессиональное и т. п.

Культура мифа обеспечила переход от биологической популяции к человеческой (социальной) общности. Это был своеобразный "инкубационный" период становления человеческого общества.

По мере развития системы общественного разделения труда, усложнения структуры социума происходит важная идентификационная трансформация. Если раньше "Я" составляло часть целого и не мыслилось от него отдельно, то теперь "Я", хотя и осталось частью целого, но уже только в той степени, в какой человек выполнял в этом целом (человеческом сообществе) свою функцию. Такая трансформация сознания, в конечном счете, привела к возникновению государства. Внутри этой, все более усложняющейся машины упорядочивалась и, по сути, реконструировалась вся система жизни.

Крушение традиционного и развитие полисного общества в Европе до сих пор вызывает споры в научной среде. Так, по мнению М. К. Петрова создание полисов - результат катастрофы, которую перенесло традиционное общество во I - II тысячелетиях до н. э. ("эгейская катастрофа") [12]. Она послужила рубежом, разделившим "нормальное" традиционное общество, и "западное", берущее здесь своё начало. Общество и культура, сложившиеся на нетрадиционной (полисной) основе, обнаруживают настолько уникальное, "странное" сочетание черт универсализма и профессионализма в структуре личности, что их создание, если его не объяснить, приходится считать "греческим чудом" или "социальной мутацией" (Л. С. Васильев) [5].

Полисный республиканский тип общественного устройства в эпоху античности - первом цивилизационном типе Европы - определил и характер социализации личности. Социокультурная ситуация Древней Греции эпохи классики имела демократический характер, отличалась экстравертированностью и была проникнута духом состязания, соперничества, конкуренции. Социальная неустойчивость послемикенского периода обуславливает обращение учёных к рассмотрению такого её проявления, как соревновательность, "агонистика". Последняя уже в гомеровском обществе становится серьёзным

социальным фактором, хотя, на наш взгляд, представляет интерес не сама по себе, а как репрезентация тех отношений, которые развиваются внутри трансформирующейся общины.

Уже в древнегреческих мифах, а потом и у греческих историков появляется мысль о том, что каждое новое поколение не обладает абсолютной свободой выбора условий для своей жизни. Его действия в значительной степени предопределены объективными факторами, – результатом усилий предыдущих поколений. Однако бесспорно и другое: люди наделены инициативой, способны прогнозировать жизненные ситуации и осуществлять выбор таких ситуаций в известных пределах. Поэтому в определённой степени они в состоянии управлять своей судьбой. Человек уже не является пешкой в неведомой игре, как это было в первобытную эпоху, а становится актером, талантливо играющим роль, предложенную ему Судьбой. Уже в гомеровской "Одиссее" запечатлён греческий образ человека. Это человек любознательный и предприимчивый, охотно идущий на встречу неизведанному и умеющий найти выход из любого трудного положения.

Активным правоспособным членом общества в глазах древних греков был человек с высокоразвитым чувством патриотизма, который ощущал свою идентичность не только с общим единством эллинов, но и с особенным этнополитическим единством, данной общиной, данным городом. Поощрялась собственная точка зрения, свой взгляд на события, который, однако, существовал лишь в рамках принятых норм.

Детство в античной Греции проходит в недрах городской культуры среди свободных граждан. Здесь впервые в истории была разработана периодизация человеческой жизни: смена зубов к 7 годам, половое созревание – начиная с 14 лет, появление бороды к 21 году и т.д. Наряду с этим возникла дихотомия: молодой – старый, ребенок – взрослый.

В демократическом городе-государстве Афины дети и молодежь, особенно мужского пола, получали большую свободу действий. Они были освобождены от работы, занимались образованием, осваивали искусства, спортивные игры и могли развивать новые идеи, к которым взрослые относились весьма благожелательно. Основу социализации детей составляла имитация, при которой освоение ценностей и норм культуры регламентировалось менее жестко по сравнению с копированием.

Совершенно иная картина сложилась в средние века. Здесь человек познавал себя через общение с богом. Он осознал себя как существо духовное. Идеалом средневековья был аскет, проводящий дни в посте и молитве. Если в античности человек существует как человек "для другого", сообщающий ему свои знания и представления (вспомним "Нравственные письма к Луцилию" Сенеки), то он обращен к себе самому, оппонирует себе и ищет истину в своем сознании и душе. Наедине с собою, но в присутствии Бога – вот, вероятно, содержание самосознания средневекового человека.

Впервые в философской традиции Августин Блаженный открыл, что человек больше и глубже самого себя [2]. До Августина никто не достигал такого понимания и столь острого переживания собственного "Я", человеческой уникальности, определяемой внутренним миром личности. Человек соотносился не с космосом или обществом, но с совершенной личностью Бога. Она включает в себя это "Я" и в этой части тождественно ему, но в то же время объемлет все другие "Я", не растворяя их, но, стремясь поднять их до себя в их обособленности и инаковости, тем самым утверждая самоценность индивидуальности. Для Августина важен человек не как сосредоточение интересов и действий общества, не как объект воздействия природных сил, а как собеседник бога, как индивидуальность.

П. Абеляр переносит свойство Бога иметь ипостаси на человека, подразумевая различные его статусы. Человек может иметь несколько статусов-ипостасей, хотя, конечно же, равным Богу Абеляр его не считает. Это означает, что один и тот же человек, во-первых, может быть отцом семейства; во-вторых, ремесленником какой-либо профессии; в-третьих, гражданином и так далее. Выявление у средневекового человека статуса, общественно значимого места говорит о том, что человек находился под постоянным контролем общества, принимающим и оценивающим его статус [1].

Если человек хочет попасть в рай, то он всячески должен избегать греха, а если он грешит, то, несомненно, попадет в ад, где будет расплачиваться за свои грехи. Каждый христианин, по Абеляру, наделён свободой воли и свободным выбором, то есть самостоятельно решает грешить или не грешить. Признание наличия свободной воли и свободного выбора у средневекового человека говорит о том, что он уже осознаёт значимость своих поступков для себя, а так как он член корпорации, то и для неё.

Наличие свободной воли и идентификация с определённой корпорацией – вот основные черты средневековой личности, и её социализации. Эта позиция разделяется рядом исследователей. Так, А.С. Гуревич считает, что под "личностью" в средние века понимался человек с набором исторически и социально определенных (свойственных именно этому времени) характеристик [6]. Таким образом, под понятие "личность" в средневековой Западной Европе попадали те люди, которые обладали устойчивым положением в обществе, каковых насчитывалось немало. Человек прочно идентифицировался с семьёй, кланом, деревней или другими общностями, в которых он появлялся на свет. Групповая идентичность человека обычно оставалась постоянной на протяжении всей его жизни.

В средние века городская культура, сформировавшаяся по большей части на основе торговых поселений, становится решающей предпосылкой для выделения особой детской стадии в жизни человека. Правда, конкретные характеристики этой стадии различались в зависимости от социального положения. Специализация в области ремесла требовала удлинения сроков обучения. Рыцарство тоже нуждалось в продолжительной, достаточно разносторонней подготовке (умение сражаться, слагать и петь баллады, поклоняться прекрасной даме и т.п.). Социализация ребёнка осуществлялась вдобавок к подражанию и имитации и через идентификацию с социальным статусом семьи, сословной принадлежностью.

Положение радикально изменилось в Новое время, когда, по словам З. Баумана "каждая сторона жизни стала задачей, причём такой, которая не оставляла человеку иного выбора, кроме как взяться за её решение, прилагая для этого все свои способности. "Предначертанность" сменилась "житейскими планами", судьба - призванием, а "природа человека", в какой он был рождён, - "идентичностью", за которой необходимо следить и которую нужно поддерживать в соответствующей форме [З, с.179]. Новая эпоха заменила предопределённость социального положения принудительным и обязательным самоопределением [З, с.182].

Ю. Хабермас отмечает: "Растёт сознание морально-политической автономии: не кто-то иной, а мы сами должны принимать решения относительно норм нашей совместной жизни в свете спорных принципов. Под давлением подвижных (благодаря дискурсу) традиций и самостоятельно вырабатываемых норм формируется управляемое принципами моральное сознание, которое меняет и образец социализации" [16, с. 89]. Появляется такой феномен как общественность или, как называет её Ю. Хабермас "публика", которая начинает вмешиваться в напряжённые отношения между государством и конкретными индивидами. До этого, в средние века, всё общественное стремилось олицетворять сословно-корпоративная, представительная власть. Теперь на историческую сцену выступают частные люди, которые до поры до времени не располагают возможностями господствовать, но в своём объединении, образуя "публику", постепенно начинают осуществлять контроль над властью и выдвигают задачи её существенного преобразования [16, с.139]. Другими словами если раньше только власть обладала субъектностью, то теперь её получают и рядовые члены социума.

В результате промышленной революции семейные формы культурной идентификации заметно ослабли. Это выразилось, в частности, в том, что забота о престарелых была снята с детей и возложена на государство. Национальные привязанности усилились, а местные связи ослабли. Но в этом случае господствующие идентификации, кроме профессиональных связей, по-прежнему фиксировались или в значительной степени предопределялись уже при рождении.

Педагогикой эпохи Просвещения, в первую очередь, Ж.-Ж. Руссо, было впервые сформулировано и понятие детства как общей для всех людей фазы развития, показана его значимость для процесса социализации [13]. Детство идеализируется как этап жизни, на котором еще не возникло отчуждение человека, в противоположность господствующим в обществе нормам. По мнению Руссо, общество портит человека, поэтому детство следует защищать от его пагубного влияния. Содержание жизни в детстве - проявление во всей полноте "телесности" человека, освоение им функций, связанных с сохранением собственного существования, познание окружающей среды и овладение ею. Человек должен прожить детство во всем его своеобразии; лишь тогда жизнь будет полноценной. В эту эпоху акцент делается на моделировании личностью социальных ситуаций.

Эволюция содержания и методов социализации неразрывно связана с изменением социально-экономической структуры и форм общественной деятельности людей. Здесь есть свои общие закономерности и константы. По мере усложнения и обогащения культуры объем передаваемых из поколения в поколение знаний, умений и навыков увеличивается, а сами формы их передачи дифференцируются и специализируются. Если на ранних стадиях общественного развития преобладает непосредственное практическое включение детей в деятельность взрослых, то в дальнейшем все большую роль приобретает систематическое обучение, которое может быть в течение какого-то срока вовсе не связано с производственным трудом. Иными словами, подготовка к жизни отделяется от практического участия в ней.

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**. На протяжении истории развития европейской цивилизации последовательно сменяли друг друга несколько типов социализации личности. Так, модель копирования преобладает в первобытной культуре, имитации – в эпоху Античности, узнавания – в средние века, моделирование характерно для Нового времени. Социализация в классические периоды этапов развития европейской цивилизации отличается стабильностью и устойчивостью. Здесь действовала средоцентрированная модель социализации, направленная на коллективизм. По мере развития общества, усложняются модели социализации, причём это усложнение сопровождается расширением творческих возможностей человека.

Источники и литература:

1. Абельяр П. История моих бедствий / П. Абельяр // История моих бедствий / П. Абельяр. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – С. 9-60.
2. Августин Аврелий. Исповедь / Августин Аврелий. – М. : АСТ, 2006. – 440 с.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман; [пер. с англ.]. – М. : Логос, 2002. – 390 с.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр.]. – М. : Добросвет, 2000. – 389 с.
5. Васильев Л. С. Вневременной феномен выдающейся личности и европейский феномен индивидуальности / Л. С. Васильев // Одиссей. Личность и общество. – М. : Наука, 1990. – С. 29-32.
6. Гуревич А. Я. Ещё несколько замечаний к дискуссии о личности и индивидуальности в истории культуры / А. Я. Гуревич // Одиссей. Личность и общество. – М. : Наука, 1990. – С. 76-90.
7. Конев В. А. Философия образования (культурологический аспект) / В. А. Конев. – Самара : Изд-во Самарского ун-та, 1996. – 345 с.

8. Куруленко Э. А. Историческая эволюция детства. Социокультурный аспект : [Электронный ресурс] / Э. А. Куруленко. – Режим доступа : <http://weblib.ssu.samara/Dlib/vestnik/PreviewArticle.php/?section=soci&vyear=1998&vnumber=1&>
9. Леви-Стросс К. Путь масок / К. Леви-Стросс. – М. : ОГИ, 2000. – 235 с.
10. Мид М. Культура и мир детства / М. Мид. – М. : Наука, 1988. – 430 с.
11. Мосс М. Социальные функции священного / М. Мосс. – СПб. : Евразия, 2000. – 446 с.
12. Петров М. К. Пираты Эгейского моря и личность / М. К. Петров. – М. : Политиздат, 1966. – 267 с.
13. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или о воспитании / Ж.-Ж. Руссо // Педагогические сочинения : в 2-х т. – М. : Педагогика, 1981. – Т. 1. – 653 с.
14. Сепир Э. Языки Центральной и Северной Америки / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М. : Прогресс, 1993. – С. 409-421.
15. Фрейд З. Тотем и табу / З. Фрейд // «Я» и «Оно». Труды разных лет : в 2-х т. / З. Фрейд; [пер. с нем.]. – Тбилиси : Мерани, 1991. – Т. 1. – С. 193-350.
16. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность / Ю. Хабермас; [пер. с нем.]. – М. : Наука, 1992. – 235 с.

Петінова О.Б.

УДК 100+370

ПРОБЛЕМИ І ПЕРСПЕКТИВИ СІЛЬСЬКОЇ ШКОЛИ: ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ

Актуальність проблеми. В умовах сучасних трансформаційних процесів, які відбуваються у сфері освіти України, увагу науковців привертають проблеми сільської школи. Вона потребує реформ та модернізації в рамках ринкової економіки та формування Людини Економічної. Все це вимагає філософського осмислення, адже саме на підставі результатів філософської рефлексії та системного підходу до аналізу тенденцій розвитку соціального прогресу, який є характеристикою сучасного стану людської цивілізації можна розробити стратегію модернізації освіти як соціального інституту в умовах підготовки молоді до життя в ринковому суспільстві.

Важливим стратегічним завданням розвитку освіти України в ХХІ ст. є створення системи безперервного навчання і виховання підрастаючого покоління, формування цілісної, всебічно розвиненої особистості. Державна національна програма "Освіта" закликає до створення в державі умов для задоволення освітніх і виховних потреб. Це стосується не лише міських, а й сільських шкіл.

Як стверджувалося на підсумковому засіданні колегії МОН України, "...актуальними сьогодні є проблеми доступності, якості, ефективності освіти для села" [3, с.6]. Головне завдання освітньої галузі – зберегти цю націю, не загубити її самобутність. Надзвичайно вагомим в українському суспільстві є досвід загальноосвітньої сільської школи, зокрема початкової.

Аналіз останніх досліджень. В теорії та практиці педагогічної освіти та її філософського осмислення нагромаджено певний досвід, який охоплює організацію навчання і виховання у початковій школі (М. Богданович, М. Бурда, О. Савченко, Б. Друзі, М. Левшин та ін.). Особлива увага приділяється пошукам шляхів удосконалення навчального процесу в сільській школі (І. Бех, В. Мелешко, Р. Охрімчук, В. Хрущ та ін.).

Утім, ці дослідження не висчерпують усіх аспектів діяльності шкіл сільської місцевості, оскільки актуальність проблеми зумовлюється насамперед основною суперечністю існуючої системи освіти – дедалі зростаючою потребою в багатоваріантному спектрі освітніх послуг і відсутністю можливостей здійснювати їх на рівні школи [3, с. 6], наголос у якій робиться на професіоналізм учителя та індивідуальність школяра.

Постановка завдання. *Метою даної статті є висвітлення проблем і перспектив розвитку сучасної сільської школи та їх філософське осмислення.*

Виклад основного матеріалу. Сучасна сільська школа характеризується: урізноманітненням мережі закладів нового типу (освітні округи, школи-садки, школи-родини, школи для дітей з особливими потребами, ліцеї для обдарованих тощо); зменшенням питомої ваги сільської школи у системі безперервної освіти (щороку знижується кількість першокласників, статистичні дані показують, що у 2009–2010 н. р. їх зменшилось більше ніж на 39,5% порівняно з 2003–2004 н.р.); реальною можливістю для одержання дитиною повноцінних знань у зв'язку з комп'ютеризацією всього навчально-виховного комплексу; збереженням і відродженням духовного єднання поколінь, неповторністю і культурною самобутністю.

У контексті проблеми сучасної школи актуальним нам бачиться питання збереження мережі сільських шкіл. Сучасна сільська школа – це не лише географічне, а й соціальне утворення. Сьогодні зрозуміло стає всім: де є школа, там функціонує і розвивається село. Її головною метою є формування людини, всебічний розвиток особистості. Причому, як наголошував экс-міністр освіти і науки України С. Ніколаєнко, "...треба відходити від традиційних форм навчання, в основі яких – елементи насилля над дітьми. Для вчителя має стати прописною істиною: щоб учень прагнув учитися, вмів володіти знаннями, його необхідно зацікавити. Втрата частиною дітей мотивації до навчання, зацікавленості у результатах – камінь спотикання на шляху до якісної освіти" [3, с. 7].

Нестандартні умови функціонування сільської школи вимагають пошуку відповідних форм, методів і прийомів роботи із школярами та засобів, які дадуть можливість гнучко організувати навчально-виховний процес для позитивного використання цих умов.